

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 60.542.21

В. Ю. Смирнова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОЗРАСТА В ЖУРНАЛЕ «РАБОТНИЦА» В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 92—102

Рассматривается процесс изменения конструирования и репрезентации возрастных категорий в журнале «Работница» в советский период. Возраст анализируется как социально детерминированный конструкт, использование которого следует учитывать при изучении властного дискурса. Выявляются периоды, для которых были характерны разные виды возрастного дискурса.

Ключевые слова: возраст, гендер, женский журнал, советская пресса.

V. Yu. Smirnova. Construction of age in the magazine “Rabotnitsa” during the Soviet time

The paper deals with the construction of age in the magazine “Rabotnitsa” during the Soviet time. In social context age is especially significant for women, because it has an impact on their lives more than on men’s lives; that is why a magazine for women is under scrutiny in this research. Moreover, it is important to consider how this discourse about age changed during the Soviet time in order to understand contemporary situation with woman aging better. It is worth mentioning that age is a socially determined construct, which should be considered as other social categories like gender in order to create a complex overview of power discourse. During this period of time age was represented by three different types of categories: political, structural and corporal. The way of representation was strongly connected with political regime and economic, cultural and social situation in the country. Youth was the key-concept in all periods. Nevertheless, methods which can help to preserve it ranged from acquisition of literacy and active participation in public life to usage of special corporal anti-age practices and cosmetic procedures.

Key words: age, gender, female magazine, the Soviet press.

© Смирнова В. Ю., 2016

Статья подготовлена в рамках научного исследования «Возраст в работе: конструирование возраста девушками и молодыми женщинами» при поддержке программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (грант № 14-05-0054).

Смирнова Валентина Юрьевна — студентка департамента истории, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Россия, vyusmirnova@gmail.com (a student of History Department, St. Petersburg Branch of National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia).

Вопрос конструирования возраста в исторической науке был поднят еще представителем третьего поколения школы «Анналов» Ф. Арьесом [Арьес, 1999]. Тем не менее за рамками рассмотрения на протяжении долгого времени оставались женщины, темнокожие мужчины, исключенные группы населения, в частности бедное и деклассированное [Feinson, 1985]. Однако, несмотря на очевидную ограниченность, сами исследования внесли существенный вклад в дебиологизацию человеческой жизни, продвигая ключевой тезис о возрасте как социальном конструкте и возрастных этапах жизни человека как исторически обусловленных и изменчивых [Арьес, 1999; Feinson, 1985; Rishoi, 2003; Bothelho, 2014; Campbell, 2015].

Значения, которыми наделяются возрастные категории, задаются языком публичной власти, так как «обязательным условием всякой власти является ее выражение в языке, а политика есть не что иное, как кодифицированные знаки, развертываемые при помощи акта высказывания». Кроме того, важно рассматривать «язык как средство осуществления социальной власти, средство формирования (а не выражения!) мировоззрения» [Лассан, 1995: 6]. В данном контексте следует учитывать, что «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется» [Фуко, 1996: 51]. Это также свидетельствует об изменчивости дискурса в связи со сменой социально-политических и культурных условий общественной жизни. Таким образом, можно говорить о существовании определенного генезиса возрастного дискурса.

Процесс взросления девушек, их гендерной социализации строго контролируется и дисциплинируется со стороны дискурсов и окружения. В фокусе особого внимания оказывается женское тело, которое преимущественно репрезентируется как наиболее подверженное возрастным изменениям. Это приводит к тому, что возраст для женщин становится важной категорией, которая способна оказывать существенное влияние на их жизнь [Sontag, 1972; Levy, 1988]. Современный возрастной дискурс в России нельзя рассматривать в отрыве от исторической перспективы, поэтому важно учитывать те изменения в публичной риторике, которые происходили с ним в различные периоды, особенно на этапах, связанных с серьезными трансформациями социально-экономического уклада и культурными преобразованиями. В этом смысле особый интерес может представлять дискурсивное производство женского возраста в советское время.

В качестве источника для анализа выбран журнал «Работница», выходящий с 1914 г., целевую аудиторию которого составляли городские женщины. По словам В. В. Смеюхи, «массовый женский общественно-политический журнал при определенных политических и экономических условиях является эффективным средством изменения психологии, поведения женских масс, их объединения в производственные коллективы, координации труда и бытовой деятельности, замены личных интересов общегосударственными» [Смеюха, 2012: 55]. Важно отметить, что журнал центральной печати «Работница» можно рассматривать в качестве значимого пространства производства и воспроизводства дискурсов, в том числе и касающихся возраста.

Для релевантного анализа конструирования возрастных категорий в контексте дискурса журнала, чтобы избежать изначальной предзаданности, выбрана

не стандартная периодизация существования Советского Союза, а методология, позволяющая проследить развитие дискурса за все время издания журнала в советское время. Были отобраны журналы каждого пятого года их выхода, начиная с первого выпуска. Количество выпусков на протяжении всего периода варьировалось от 12 до 48 в год, поэтому был взят каждый третий журнал за исследуемый год. В результате эмпирическую базу составили 92 выпуска за 15 лет.

Анализ эмпирического материала показал, что в дискурсе журнала «Работница» можно выделить три периода, по-разному репрезентирующих возрастные категории. Первый из них начинается после революции 1917 г. и продолжается вплоть до 1960-х гг. Характерной чертой этого длинного этапа является то, что возраст предстает в первую очередь как политическая категория, в то же время телесный возраст фактически аннулируется. Во второй период, который длится на протяжении 1960—1980-х гг., возраст становится скорее структурной категорией, позволяющей разграничить жизненный цикл на определенные этапы и обозначить соответствующие им предписания. В течение третьего периода — 1980—1990-е гг. вплоть до развала Советского Союза — возраст производится как телесная категория.

Каждый из выделенных этапов является относительно однородным в плане конструирования возрастных категорий. При этом некоторые темы одного этапа переходят в другие периоды, но в целом образы, репрезентируемые журналом, сохраняют свою специфичность.

1917—1960-е гг.: «Так бы хотела я молодой быть, чтобы поработать побольше для нашей советской родины!»

Первый этап в конструировании возраста особый. Несмотря на то что этот период неоднороден с точки зрения политических, социальных и культурных изменений, дискурсивно он довольно гомогенен. Заданные в первые годы советской власти способы говорения укрепляются и воспроизводятся на всем его протяжении.

Ключевой категорией этого периода является молодость, вокруг которой выстраивается весь возрастной дискурс. Молодость страны тесно связывается и переплетается с молодостью населения, проживающего в ней. В то же время возраст — это не категория, отражающая количество прожитых лет, а набор определенных характеристик, которыми могут обладать люди вне зависимости от возраста.

В материалах «Работницы» речь идет в первую очередь об энергии: *Лениной 22 года. У Лениной — заводные ноги, светлая голова, огонек внутри и страстное, неудержимое желание работать**. Важным акцентом при создании образа становится подчеркивание неутолимого стремления к развитию, энергичности и потенциала, и все это чаще всего демонстрируется в рамках трудовой активности. Так пишут о «молодых коммунистках» (1924, № 7, с. 13), «молодом шахтере» (1924, № 13/14, с. 15), «старой ткачихе» (1929, № 7, с. 6). Про молодежь здесь говорят в контексте ее значения для страны: *Молодежь — наша*

* Работница. 1929. № 7. С. 6. Далее ссылки на журнал приводятся в тексте в круглых скобках с указанием года, номера и страниц.

будущность, наша надежда, товарищи, — указывает товарищ Сталин. — Она должна донести наше знамя до победного конца (1949, № 4, с. 5). Кроме того, именно молодежь обладает нужными качествами, чтобы быть готовой к новым свершениям на благо родины: *Советская молодежь самоотверженно борется за построение коммунистического общества* (там же).

Хронологический возраст индивидов в большинстве случаев фигурирует в контексте трудового стажа. Особенно часто приводятся биографические сведения о работниках или (чаще) работницах, в которых возраст упоминается именно для того, чтобы показать трудовой стаж: *М. А. Хайдукова наша муромская работница. Сейчас ей уже 38 лет. С 7 лет работает она по найму: сначала нянкой, затем по фабрикам* (1924, № 16, с. 12). Таким образом, можно заметить апелляцию к возрасту-стажу, которая дает возможность подчеркнуть опытность работницы.

Появляется много историй, в которых женщины жалуются на несоответствие своего физического возраста внутреннему. Несмотря на пожилой возраст, им всем хочется продолжить активную жизнь и работу: *Мне 83 года, а я хочу подольше пожить, чтоб самой увидеть, как выполнится все то, что решили на съезде большевики. Так бы хотела я молодой быть, чтобы поработать побольше для нашей советской родины!* (1939, № 13, с. 18). Но если уже нет возможности реализовывать свой трудовой потенциал, можно посвятить себя делам партии: *Уж не столько мне жить, как я жила (70 лет мне без 3 годов будет), а как узнала я, что закатилось наше ясное солнышко, Владимир Ильич, пришла я на собрание, на завод (раньше я там работала, когда силы-то были), и говорю: «Товарищи, можете меня принять в партию? Хочу идти по дороге Ильича, всех он нас собрал, вел тайным подземным путем в светлую жизнь»* (1924, № 7, с. 14). Тем не менее пожилые женщины осознают, что их телесный возраст все же вносит определенные ограничения в их жизнь, но им особенно важно, что перед смертью они вступили в коммунистическую партию: *Осознала, — говорит 60-летняя ленинка, — революцию. Поняла, что значит большевик. Хоть на старости лет, потому раньше темна была, неграмотна. Теперь советская власть озарила... Умру коммунисткой* (1924, № 22, с. 15).

Несмотря на то что основная ставка делается на молодость и старшее поколение испытывает некие трудности с легитимацией своего возрастного статуса, в выпусках «Работницы» артикулируются способы возвращения к состоянию молодости. Сама революция 1917 г. репрезентируется как новое рождение, новая точка отсчета возраста, дающая людям возможность заново начать свой биографический проект. На страницах журнала появляется множество историй о том, как после революции женщины, которых авторы уже не могут назвать юными, начинают новую жизнь. В качестве примера можно привести историю о тверских торфяницах: *В ликпункте на Кулицком поле работали старые 45-летние торфяницы, которые аккуратно начали посещать ликпункт. При проверке по окончании занятий ликпункта эти пожилые работницы отвечали лучше, чем молодые... На торжественном заседании, в день выпуска, одна из них, тов. Шкетова, говорила: «Вот мне сейчас 45 лет, и надо сказать, что я только что начинаю жить. Раньше я ходила впотьмах, не видя ничего, теперь, когда выучилась читать и писать, я смело могу сказать, что я начинаю жить по-настоящему, так, как живут все грамотные люди»* (там же, с. 10).

В этом контексте очень примечателен случай пролетарской писательницы Е. Новиковой (Г. Виланд), которая родилась еще при крепостном праве и с 12 лет работала на фабрике. В ее биографическом нарративе жизнь делится на «до» и «после». Революция становится своего рода отправной точкой для ее новой жизни: *Я решила учиться писать. В 1924 году меня перевели на пенсию. Времени учиться было достаточно: я взяла из библиотеки грамматику и училась по ней грамотно писать. Тогда мне было 63 года... Теперь мне 74 года, и меня называют пролетарской писательницей... Я счастливейшая женщина, вновь родившаяся с Октябрьской революцией* (1934, № 13, с. 9). Корреспондент же отмечает: *Ее можно было принять за шестидесятилетнюю, и я удивилась, узнав, что ей 74 года* (там же). Таким образом, овладение грамотой, трудовая деятельность, а также активное участие в общественной и партийной жизни репрезентировались как своеобразные пути к возвращению молодости.

Интересно, что к концу этого периода появляется категория зрелости: *Советская страна вступает в сорок третий год своего существования, переживая пору великолепной зрелости...* (1959, № 10, с. 2). В данном контексте важно, что зрелость является своеобразной точкой пересечения молодости и старости: *Молодости свойственна острота глаза, а зрелости — глубина познаний!.. Молодости свойственна крепость рук, зрелости — трезвость расчета* (там же, с. 3). Но взаимодействие молодости и старости проявляется и в более конкретных примерах: *Екатерина Степановна Пастухова — немолодая уже работница, награжденная медалью «За трудовое отличие», терпеливая и добрая наставница новичков. Светлана Серова — совсем еще юная, высокая и темнобровая; закончила она среднюю школу и пришла на строительство, стала штукатуром... Разные они люди, каждый с особинкой, со своей статью. Но все они люди одного чекана — советского* (1959, № 4, с. 8). В этом контексте зрелость выступает в роли уравнивающего элемента, с помощью которого можно сочетать энергию и работоспособность молодости и мудрость старости.

Таким образом, в данный период возраст конструируется в большей мере как политическая категория, чем телесная. Ключевым агентом и субъектом новой страны мыслится молодое поколение. При этом остальные могут быть включены в категорию молодых через определенные практики (или техники) рождения нового человека: овладение грамотой, вступление в колхоз и т. д. Важным оказывается не фактический возраст, а внутреннее ощущение бодрости и задора, которое можно направить на благо родины. Возраст как некая фиксация количества лет используется в основном при подчеркивании рабочего стажа или демонстрации возможностей советского человека для преодоления любых ограничений, в том числе и возрастных, через приобщение к энергии преобразования «старого мира».

1960—1980-е гг.: «Последите за собой, пожалуйста!»

Период 1960—1980-х гг. ознаменован существенной трансформацией советского общества. Будучи переходным, он сочетает в себе черты предыдущего этапа и последующего. Характерным для него является то, что, с одной стороны, возраст продолжает выступать в роли политической категории: молодость описывается как будущее: *И прежде всего Ленин — в грандиозных планах Партии,*

в той светлой цели, которая год за годом молодит человечество, распахнувшее объятия коммунизму (1974, № 1, с. 2), но с другой стороны, он становится элементом, структурирующим биографическую траекторию индивидов, создающим определенные жизненные этапы. Ценность молодости начинает измеряться не только присущей ей энергией, но и физической привлекательностью: *Сухопарая, увядающая Люба поглядывала на нее с кроткой завистью доброй старой девы и, не выдержав, сказала: «Счастливая вы, Людмила Николаевна! И красота у вас, и молодость... Приедете сейчас домой, а там любовь... Муж такой чудный...»* (там же, с. 7).

Категории возраста начинают функционировать как границы жизненных этапов, которые различаются телесно. Так, в редакцию поступило письмо от двух девушек, спрашивающих, могут ли они считать себя взрослыми после начала менструации. В полученном ими ответе (*О «зрелости», пусть только физической, говорить вам, девочки, рано. Считайте себя взрослыми лишь наполовину;* 1969, № 4, с. 21) существует четкое разграничение между взрослым и детским, характеристики которых строго определены. Таким образом, появляется периодизация жизненного цикла в зависимости от биологического развития организма. Кроме того, возраст в целом начинает описываться через физические характеристики: *...усталость на лице женщины, морщинки* (1964, № 1, с. 10).

В связи с этим происходит формирование предписаний относительно правильной телесности на каждом из возрастных этапов. Первый вид таких предписаний касается одежды и связанных с ней практик. В специально отведенной этой теме рубрике непременно фигурирует упоминание возраста и советы, как лучше с ним справиться: *В моделях спортивного характера и молодежных хорошо смотрелись различные красные цвета — от светлого до свекольно-красного. Для более старшего возраста было несколько предложений в мягком синем цвете* (1964, № 7, с. 32).

Кроме того, авторы начинают выделять магазины, где женщины могут приобрести одежду по возрастному признаку: *Молодежная одежда, купленная в магазинах фирмы «Юниор», как правило, экстрамодна, но технологически несколько упрощена, сшита из дешевых тканей. Поэтому она и недорога, доступна студентам, молодым рабочим, начинающим специалистам. Кстати, об одной, очень привлекательной психологической черте польской девушки. Она не стремится одеваться дорого, она боится выглядеть взрослой дамой... В магазинах фирмы женской одежды «Мода польска» вещь модного силуэта появится чуть позже, но в лучшем исполнении: с тщательной проработкой деталей, из добротных тканей. Женщина со зрелым вкусом (в более зрелом возрасте, со сложившимся материальным достатком) наверняка предпочтет одеваться здесь* (1974, № 7, с. 29). Получается, что авторы четко делят возрастные этапы и соответствующие им практики, приписывая каждому возрасту определенную модель поведения.

Другой вид предписаний касается телесных практик, которые должны использоваться женщиной для поддержания молодости. Появляется раздел «Последите за собой, пожалуйста», в котором женщин постарше информировали о том, как, например, ухаживать за шеей, чтобы она не выдавала возраст (1969, № 1, с. 32). А женщин помоложе ограничивали в использовании техник

для взрослых: *Следуя последней моде, она подкрашивала уголки глаз, начесывала волосы, носила короткие юбки. По деревенским понятиям, она была совсем никудышной девкой, свистулькой, с ножками тонкими, как у барашка, и с талией без всякого обхвата, словно черенок от вил. Отец не понимал такой красоты: шестнадцатилетние девочки замазывали свое естество, лишь бы подальше от своей истинной прелести, данной от рождения природой* (1969, № 7, с. 10).

Границы между возрастными этапами представляются довольно четко, а любое их нарушение проблематизируется. Появившаяся новая категория «моложавость» (1974, № 1, с. 12) как раз и подчеркивает, что стремление к вечной советской молодости допустимо только в определенных рамках, без грубого нарушения границ: *...то, что хорошо в 17 лет, сомнительно в 40* (1969, № 1, с. 31).

Таким образом, на протяжении данного периода возраст репрезентируется как структурная категория, фиксирующая жизненные этапы и помогающая создать определенные предписания.

1980—1990-е гг.: «Как стать красивой: возраст — не по паспорту»

Смена политической и культурной парадигмы в 1980—1990-х гг. привела к появлению принципиально нового понимания возраста как телесной и приватной характеристики, несмотря на то что в этот период также можно проследить некоторые тренды предыдущих этапов. Теперь особенной ценностью наделяется телесная молодость, которую стремятся сохранить и продлить. Причем все положительные характеристики приписываются именно молодости, старость же всячески стигматизируется, и ее стараются избежать.

В публикациях «Работницы» это проявляется в интенсификации рекомендаций, направленных на предотвращение старения в рамках повседневной жизни. Во-первых, антивозрастные инструкции ориентированы на контроль над телесными движениями, мимикой и т. п. Например, авторы пишут о необходимости следования определенным правилам на лыжне: *В ясный, солнечный день, собираясь на прогулку, не забудьте темные очки: снег на солнце блестит нестерпимо, вы поневоле будете щуриться, это не на пользу глазам, да и морщины появятся* (1984, № 1, прил., с. 3).

Во-вторых, в данных инструкциях говорят о средствах, способных вернуть молодость или как-то скрыть возрастные изменения: *Не выходить на улицу, не приведя себя в порядок. Не все женщины пользуются декоративной косметикой. Но зимой мы бледны, часто выглядим усталыми. Немного губной помады, пудры, краски для ресниц никому еще не повредили! Тем более если вам уже за тридцать... Стараться всегда быть привлекательной. В этом случае возраст не имеет значения — ведь очарование не стареет!* (там же, с. 2). А в статьях «Как стать молодой» (1989, № 4, прил., с. 5) и «Как стать красивой: возраст — не по паспорту» (1989, № 10, прил., с. 4) женщины могли узнать, как поддержать молодость с помощью специальных масок.

Одежда также способна помочь вернуть ушедший возраст: *Этот плащ могут носить женщины и младшего, и среднего возраста. Но особенно настоятельно мы рекомендуем его тем, кому 40 лет, — он вернет вам ощущение молодости* (там же, с. 1).

Телесный возраст все больше рассматривается как бинарная категория «молодость/старость». Это особенно заметно в частных нарративах читательниц журнала. Так, в одной из статей девушка рассказывает, что ей «скоро 28 лет, проходит молодость, лучшие годы жизни». Она боится стать «злой старой девой» (1984, № 7, с. 19). Тем не менее возрасту чаще приписываются специфические особенности, касающиеся именно телесности. Так, предполагается, что пожилая женщина с большей вероятностью будет полнее юной, поэтому авторы советуют подумать, соответствует ли выбору возраст и фигура (1989, № 1, прил., с. 1). Подобная радикализация взгляда на телесный возраст способствует формированию более четкого противопоставления желанной молодости и пугающей старости, которой стараются избежать.

Заключение

Анализ конструирования и репрезентации возраста в советском женском журнале позволяет рассмотреть генезис изменения отношения к индивиду в целом. Возраст в этом случае является одним из маркеров, посредством которых конструируется социальная повседневность.

Почти полное аннулирование телесного возраста в первый период может быть объяснено тем, что уже с 1930-х гг., по словам И. С. Кона, начинается отказ от телесности, так как «человек, лишенный конкретной индивидуальности и низведенный до своей “социальной сущности”, в материальном теле вообще не нуждается» [Кон, 2010: 241]. Кроме того, начинается активная борьба с индивидуализмом. В 1936 г. был введен запрет на аборт, материнство объявлено «не только биологической, но и общественной, государственной функцией» [там же: 260]. Таким образом, тело, а также возраст становятся делом государства, а значит, различные манипуляции с возрастом могут быть произведены только с его подачи. Поэтому и помолодеть, т. е. обрести наиболее привлекательный возраст с точки зрения советской пропаганды, можно было только путем активного взаимодействия с государством (обретение грамотности, включение в трудовую деятельность на его благо или в активную общественную деятельность).

Другим важным фактором была культурная революция 1928—1931 гг., которая ознаменовалась политической конфронтацией «пролетарских» коммунистов и «буржуазной» интеллигенции [Вихавайнен, 2004: 200]. Основной целью культурной революции было заставить науку и искусство работать на благо партии, подчиниться марксистской идеологии, а также ликвидировать безграмотность, провести реформу образовательной системы в целом. Неудивительно, что и такая категория, как возраст, была поставлена на службу партии.

Неслучаен и упор на молодость. Кроме того что молодежи в целом уделялось довольно много внимания как будущему страны, была и другая причина. По словам Т. Вихавайнена, в период НЭПа значительная часть населения страны не поддерживала большевиков, но, будучи у власти и имея аппарат принуждения, они решили сделать ставку на молодежь, которая «уже не помнила капиталистического общества» [там же: 167].

«В хрущевское десятилетие с особой настойчивостью реализовывалась политика децентрализации управления», — пишут И. С. Ратьковский и М. В. Ходяков [Ратьковский, Ходяков, 2001: 234]. «Децентрализацию» можно

заметить и в отношении к формированию возрастного дискурса. Теперь возраст — это не только прерогатива государства. Его репрезентация и управление им обсуждаются не только в контексте полезности для государственной деятельности. Кроме того, во время хрущевской «оттепели» наряду с демократизацией общественной жизни в целом «тенденция к автономизации и индивидуализации личной жизни стала особенно явной» [Кон, 2010: 284]. П. Вайль и А. Генис отмечают, что во время Пражской весны «коммунизм обзавелся человеческим лицом, когда дал лицу — личности — высказаться» [Вайль, Генис, 1998: 312]. Вполне логично, что на фоне этой тенденции возраст стал чем-то менее коллективным и начал использоваться в роли структурирующего фактора именно индивидуального биографического нарратива.

Появление четко разграниченных возрастных этапов, нарушение которых было проблематизировано, также вписывается в общие тенденции. По словам И. С. Кона, в этот период «командно-административные методы управления, наложившись на старые традиции общинной жизни, главным правилом которой было не выделяться, глубоко пропитали общественное сознание, включая и его представления о моде». Мода превратилась, пишет он, в «своего рода обязательную униформу: надо одеваться, говорить и действовать, “как все”» [Кон, 2010: 249]. Таким образом, мода помогала людям встраивать свой биографический нарратив в общую возрастную схему, каждый этап которой предполагал соответствующие практики, а переход из одной группы в другую был крайне затруднен и не приветствовался.

«Гласность радикально изменила социально-психологический климат в стране. Внешние рамки и формы социального контроля рухнули», — отмечает И. С. Кон [Кон, 2010: 321]. Неудивительно, что и отношение к возрасту тоже изменилось. Возраст становится исключительно приватным, а его репрезентация чаще всего связана с телом, о котором теперь можно говорить в любых контекстах. Кроме того, сохранение и поддержание телесной молодости считается особенно важным. Другие возрастные этапы также рассматриваются, но в качестве наиболее желаемого видится лишь молодость, которую стремятся всячески сохранить и продлить. Появляется активная anti-age пропаганда, способствующая стигматизации женщин, не обладающих специфическими телесными характеристиками, присущими молодости.

Таким образом, рассмотрение конструирования возраста на протяжении времени позволяет говорить о том, что возраст действительно является социально детерминированным конструктом, использование которого следует учитывать при изучении властного дискурса. Возраст, как и любой другой значимый компонент социально-культурного статуса человека, применяется властью в целях решения тех задач, которые формулируются в контексте дискурса как определяющие. В частности, в случае советского дискурса — в целях повышения трудовой мобильности, преданности идеологической цели и лояльности к ней. Кроме того, возраст может являться важным инструментом фиксации социального неравенства, который используется для закрепления границ возрастных этапов, сведения возраста исключительно к его биологической сущности.

Библиографический список

- Ар'ес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 1999. 416 с.
- Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 368 с.
- Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб.: Коло, 2004. 416 с.
- Кон И. С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 608 с.
- Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995. 232 с.
- Ратковский И. С., Ходяков М. В. История Советской России. СПб.: Лань, 2001. 414 с.
- Смеюха В. В. Женские журналы СССР в 1945—1991 гг.: типология, проблематика, образная трансформация // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 55—67.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 446 с.
- Botelho L. Age and history as categories for analysis: refiguring old age // *Age, Culture, Humanities: an Interdisciplinary Journal*. 2014. Iss. 1. URL: <http://ageculturehumanities.org/WP/age-and-history-as-categories-of-analysis-refiguring-old-age/> (дата обращения: 03.11.2015).
- Campbell E. J. *Old Women and Art in the Early Modern Italian Domestic Interior*. Victoria (Canada): University of Victoria, 2015. 216 p.
- Feinson M. C. Where are the women in the history of aging? // *Social Science History*. 1985. Vol. 9, № 4. P. 429—452.
- Levy J. A. Intersections of gender and aging // *The Sociological Quarterly*. 1988. № 29. P. 479—486.
- Rishoi C. *From Girl to Woman: American Women's Coming-of-Age Narratives*. Albany: State University of New York, 2003. 202 p.
- Sontag S. The double standard of aging // *The Saturday Review*. 1972. 23rd September. P. 29—38.

References

- Ar'es, F. (1999) *Rebēnok i semeīnaia zhizn' pri starom poriadke* [Child and family life in the days of the old regime], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Botelho, L. (2014) Age and history as categories for analysis: refiguring old age, *Age, Culture, Humanities: An Interdisciplinary Journal*, iss. 1, available from <http://www.ageculturehumanities.org/WP/age-and-history-as-categories-of-analysis-refiguring-old-age/> (accessed 03.11.2015).
- Campbell, E. J. (2015) *Old Women and Art in the Early Modern Italian Domestic Interior*, Victoria (Canada): University of Victoria.
- Feinson, M. C. (1985) Where are the women in the history of aging, *Social Science History*, vol. 9, no. 4, pp. 429—452.
- Fuco, M. (1996) *Volia k istine: Po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: On the other side of knowledge, power and sexuality], Moscow: Kastal'.
- Kon, I. (2010) *Klubnichka na berēzke: Seksual'naia kul'tura v Rossii* [Strawberries in the birches: Sexual culture in Russia], Moscow: Vremia.
- Lassan, Ė. (1995) *Diskurs vlasti i inakomyслиia v SSSR: kognitivno-ritoricheskiĭ analiz* [The discourse of power and dissent in the USSR: cognitive-rhetorical analysis], Vil'nius: Izdatel'stvo Vil'niusskogo universiteta.

-
- Levy, J. A. (1988) Intersections of gender and aging, *The Sociological Quarterly*, no. 29, pp. 479—486.
- Rat'kovskii, I. S., Khodiakov, M. V. (2001) *Istoriia Sovetskoi Rossii* [The history of Soviet Russia], St. Petersburg: Lan'.
- Rishoi, C. (2003) *From Girl to Woman: American Women's Coming-of-Age Narratives*, Albany: State University of New York.
- Smeiukha, V. V. (2012) Zhenskie zhurnaly SSSR v 1945—1991 gg.: tipologiya, problematika, obraznaia transformatsiia [Women's magazines in USSR in 1945—1991: typology, problematics, transformation of images], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 55—67.
- Sontag, S. (1972) The double standard of aging, *The Saturday Review*, 23rd September, pp. 29—38.
- Vaïl', P., Genis, A. (1998) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The sixties. The world of the Soviet man], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vikhavainen, T. (2004) *Vnutrennii vrag: Bor'ba s meshchanstvom kak moral'naia missiia russkoi intelligentsii* [Inner adversary: The struggle against philistinism as the moral mission of the Russian intelligentsia], St. Petersburg: Kolo.

Статья поступила 07.12.2015 г.